ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 739.2+7.04+7.033.3

DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80

ТАТАРСКОЕ ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО: О ПРОЯВЛЕНИЯХ ТАТАРО-РУССКОЙ СИНКРЕТИЧНОСТИ В РЕМЕСЛЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Л.Н. Дони́на, С.В. Су́лова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
lis.art@mail.ru, sv_suslova@mail.ru*

Публикация посвящена выявлению и археолого-этнографической интерпретации технико-технологических особенностей татарского ювелирного искусства. Казань являлась одним из наиболее крупных в Российской империи ювелирных центров, отличающимся особенностями технико-технологических и орнаментальных приемов ювелирного дела, формально-морфологическим содержанием ювелирных изделий. Татарские ювелиры владели практически всеми технологическими процессами, но особого мастерства достигли в искусстве филигрании и чеканки. В историографии сложилось убеждение, что так называемая бугорчатая филигрань является «самобытной и уникальной техникой, не получившей распространения в ювелирном деле других народов» (Татарская энциклопедия, с. 468). Однако последние исследования (РФФИ, проект № 13-06-97056) показали, что она бытовала и в ювелирном искусстве некоторых народов европейской части Евразии, начиная с XI в. Аналоги казанско-татарской бугорчатой филигрании XVIII – первой половины XIX вв. впервые выявлены в русской (культовой) и европейской (светской) традициях ювелирного искусства.

Оригинальной разновидностью татарской чеканки является чеканка, обозначенная исследователями (Ф.Х. Валеев) как высокорельефная. На изделиях, выполненных в этой технике, выявлено присутствие (слияние) региональных традиций, характерных для татарского и русского искусства. Проявления синкретичности, наблюдаемые в ряде технологий производства татарских ювелирных изделий, обусловлены, вероятно, и существованием русских ювелирных центров в Казани, в Казанском Поволжье в целом (как правило, при монастырях), в том числе и крупного кустарного промысла в селе Рыбная Слобода.

Ключевые слова: ажурная, бугорчатая филигрань, татарские, русские серебряники, чеканка насечкой, ювелирные технологии

Для цитирования: Дони́на Л.Н., Су́лова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях

Казанского Поволжья // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 69–80. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80

Изучение этнокультурного взаимодействия народов, длительное время проживающих в одних историко-географических условиях, является одним из приоритетных направлений этнологических исследований в России. Особенно это актуально при изучении этнокультурных контактов русских и татар – двух самых крупных по численности этносов Российской Федерации. Взаимное проникновение и освоение элементов бытовых национальных культур этих народов не раз отмечали российские ученые.

Тюрко-татарский компонент был значительным в традиционной русской культуре. В народной одежде это отдельные типы мужских и женских головных уборов: мужская тюбетейка – *тахья* или *скуфья* (тюрк. *такья*), мужская зимняя шапка – *бурк* или *татарка* (тюрк. *кома бурэк*), женский *белевый калпак* (тюрк. *ак калфак*); обуви – *ичеготы*, *ичетог*, *чедыги* (тюрк. *ичиги*, *читек*). В декоративно-прикладном искусстве тюрко-татарскими заимствованиями можно считать технику тамбурного шва, складную технику ткачества [19; 1, с. 45]. В работах известных российских ученых Н.И. Костомарова [7], М.Г. Рабиновича [16], Н.И. Лебедевой и Г.С. Масловой [10] тюрко-татарские заимствования связывались с золотоордынским периодом русской истории. Золотая Орда – самое крупное государство Евразии, в рамках которого впервые были объединены пространства будущей Российской империи и населяющие их этносы.

Русский компонент в традиционной культуре и декоративно-прикладном искусстве татар также очевиден. Русским заимствованием является распространение у татар браной техники ткачества, что связывается исследователями с расселением в XVI в. в Казанском Поволжье русских [2, с. 13]. Сравнительно поздним заимствованием является и распространение русских ткацких станов – *урыс ыстаны* с развитой рамой и деревянными блоками [3, с. 112; 17, с. 48]. К русскому влиянию исследователи относят использование, особенно окско-сурскими мишарями, строчевых вышивок – «цветной перевити» [13, с. 219]. В подобной технике в середине XIX в. украшались концы татарских полотенец, женские головные покрывала – *тазтары*, а также мужские и женские рубахи [24, с. 289]. Русский след просматривается в технике мишарского и кряшенского золотного шитья. Это влияние особенно было заметным на традиционной одежде кряшен: в традиционных женских (*сурэж* у кряшен; *сорока* у русских) и мужских головных уборах, в покрое верхней одежды «борчатка», в способах декоративного оформления костюма. Все эти влияния и заимствования не случайны. Известно, что еще в XII–XIII вв., в период подъема городов и ремесленного производства, несмотря на политические противоречия и войны, предки татар – волжские булгары активно торговали с русскими княжествами. Русские ремесленники жили и работали в Булгарии. Эти связи продолжались в течение всего золотоордынского периода и

усилились после присоединения Казанского ханства к Московскому государству. В период формирования имперской культуры традиционное искусство закономерно развивалось в рамках общероссийских художественных тенденций.

В настоящей публикации впервые исследуется влияние русского ювелирного искусства на формирование технологических традиций ювелирного дела казанских татар, что выразилось в специфической синкретичности этого искусства в Казанском Поволжье.

В XVIII – первой половине XIX вв. Казань являлась одним из наиболее крупных в Российской империи ювелирных центров, отличающимся этнорегиональными особенностями технико-технологических и орнаментальных приемов ювелирного дела, формально-морфологическим содержанием ювелирных изделий. В основном изготавливались украшения для национального женского костюма, которые вплоть до начала XX в. составляли самый мощный пласт в традиционном ювелирном искусстве большинства тюркских народов Евразии. Татарские ювелиры владели практически всеми технологическими процессами ювелирного дела, но особого мастерства достигли в искусстве филигрании и чеканки.

Филигрань. Казань – единственный ювелирный центр Поволжья, где высокого уровня развития получило искусство филигрании. Особого совершенства она достигла у татар в XVIII–XIX вв. Проблема генезиса татарской филигрании интересовала многих известных исследователей, которые указывали на ее особый характер и связывали с различными художественными традициями.

Особого внимания заслуживают работы М.Г. Крамаровского, считающего очевидной идею «генетической преемственности казанской скани как одной из ветвей *джучидской* художественной школы, поскольку обе они развивались в рамках одного типа филигрании – спирального» [8, с. 278] (рис. 1*). В целом же механизм освоения технологий был очень сложным, не одномоментным, и проследить развитие технологии татарской филигрании весьма проблематично по причине условности датировок ювелирных изделий и крайне спорной атрибуции артефактов периода Казанского ханства.

В татарской ювелирной традиции получили развитие два вида филигрании: *ажурная (жепкыр)* и *бугорчатая (куперткан жепкыр)*. В XIX в. казанская школа ажурной филигрании, так же, как и Московская [22, с. 11, 15, 16], развивалась на фоне широкого распространения технологии ажурной скани в Евразии. Технологические закономерности филигрании предопределяют общность стилистического развития и усреднённые технологии. Чтобы отнести филигранные изделия к той или иной технологической школе и тем более выявить их специфические особенности необходимо определить технико-технологические параметры основного элемента –

* См. рис. 1–20 к статье на цветной вклейке.

проволоки. С этой целью была осуществлена макросъёмка татарской филигрании из коллекций драгоценных металлов Национального музея РТ. Технологические параметры казанско-татарской филигрании в данном аспекте до настоящего времени не изучались.

Исследование морфологии витя проволоки показало, что изделия татарских мастеров отличаются рядом специфических признаков, важнейшим из которых является использование вальцованной канители в качестве средства ажурной орнаментации. Вальцованная канитель преимущественно имеет пропорции 0,5x1,5мм и особый, филигранный эффект (профиль «зерна» на ребре), который может сохраняться лишь при технике плотной спиральной (канительной) навивки. Для достижения подобного рельефа и пропорций ленты использовался стержень в три раза объемнее навиваемой на него проволоки (рис. 2). Эти параметры преобладают, что указывает на специфику и стабильность технологической традиции и позволяет говорить об особой школе казанско-татарской филигрании.

Однако особый интерес в контексте настоящей публикации представляет собой *бугорчатая (рельефная) филигрань*. Ювелирные изделия носили элитарный характер. Например, оригинальные воротниковые застёжки *яка чылбыры* нередко представляли собой шедевры ювелирного искусства. Технология бугорчатой филигрании во многом сходна с ажурной. Принципиальная разница заключается в том, что её орнамент строился из плотных бугорков (конусов) в 4–5 оборотов, возвышающихся чуть выше каркаса. Для завитков использовалась аналогичная вальцованная канитель, только иных пропорций: 0,3–0,4x1,0–1,3. В зависимости от высоты бугорков различают низкую (рис. 3, 4) и высокую (рис. 5, 6) бугорчатую филигрань.

В историографии сложилось убеждение, что бугорчатая филигрань является «самобытной и уникальной техникой, не получившей распространения в ювелирном деле других народов» [20, с. 468]. Однако наши исследования последних лет (РФФИ, проект № 13-06-97056) дают основание утверждать, что она бытовала и в ювелирном искусстве ряда народов европейской части Евразии. Кроме того, выявлено два технико-технологических способа её изготовления:

- *бугорчатая накладная* (на металлической основе);
- *бугорчатая ажурная* (без основы).

В русской ювелирной традиции использование бугорчатой скани прослеживается значительно раньше, чем у казанско-татарских мастеров. В научный оборот введены четыре уникальных предмета, определяющим элементом декора которых служат «тугие сканные конусы, размещённые между кастами» [11; 18, с. 199–220]. Изделия отнесены исследователями ко времени великокняжеской Москвы XIV–XV вв. Это маленькие золотые *венец* и *гривенка (цата)* с иконы «Богоматерь Боголюбская» из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (рис. 7); *венец* с иконы «Богоматерь Барловская» (рис. 8) и часть массивного золотого иконного оче-

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

ля, найденных в 1931 г. на месте Чудова монастыря. Самый ранний из этих предметов – очелье (рис. 9).

Его форма, подобная узкому полумесяцу, генетически связывается с очельями (или диадемами) домонгольских кладов. Всю поверхность очелья вокруг гнёзд с самоцветами покрывают довольно высокие (до полусантиметра) сканные конусы, в большинстве своём замкнутые, со сжатым концом. Такие же конусы – на гривенке «Богоматери Боголюбской», тогда как на её венце они завершаются достаточно крупной зернью. На венце иконы «Богоматерь Барловская» конусы имеют отверстия; некоторые из них завершены зернью. Исследователи считают, что данные предметы принадлежат к древнейшим образцам московской скани и воспроизводят декоративный приём западноевропейских ювелиров. Европейские аналоги имеют чётко определённую хронологию в пределах конца X – середины XI вв. [18, с. 211] (рис. 10). В этих изделиях также прослеживается стилистическая близость и с предметами Рязанского клада [11, с. 109] (рис. 11). Весьма любопытно, что бугорчатая филигрань без основы, аналогичная казанско-татарской, бытовала в светской традиции западноевропейских стран (Италия, Франция), в тот же период, что и у казанских татар (рис. 12).

Чеканка. Большое развитие в ювелирном деле казанских татар получила чеканка – *чуку*. В 1652–1653 гг. в Москву по указу царя Алексея Михайловича из разных городов России созывали лучших серебряников для изготовления чеканных серебряных с позолотой окладов для иконостаса Успенского собора Московского Кремля. Приехали и из Казани пять мастеров-чеканщиков. В поданной ими челобитной указывалось, что в Казани остались еще «лучшие мастера... к государеву делу годны и большие дела им за обычай» [21].

Наибольшее распространение в XVIII–XIX вв. получила *чеканка способом насечки*, являющаяся маркером татарской ювелирной традиции. Она нередко ошибочно трактуется как гравировка, потому что визуально практически от нее не отличается. Такие изделия, преимущественно бляхи и амулетницы, выполненные из тонкого листового металла, отличаются низкорельефным орнаментом, сохраняющим гладкую поверхность, на фактурном зерновом фоне (рис. 13). Считается, что подобный орнамент «на просторах Евразии широко распространился с монголами» [9, с. 54]. Специфический комплекс – «технология-орнамент», характерный для татарской чеканки, сложился на основе совокупности технических приёмов и эстетических предпочтений, свойственных для совершенно особой синкретической золотоордынской культуры конца XIII – начала XIV вв.

Традиции татарской чеканки необходимо понимать также и в контексте исламского искусства, в котором понятие «пластичности» всегда было связано не с моделированием объёма, предполагающим трёхмерные характеристики, а с художественным преобразованием плоскости в двухмерной трактовке форм. Интересно, что в Москве и в других русских городах Поволжья (Ярославле, Нижнем Новгороде, Костроме), традиционно

являющихся крупными ювелирными центрами, основное место занимала высокорельефная чеканка.

В ряду чеканных изделий татарских мастеров широко представлены (Российский этнографический музей, Национальный музей Республики Татарстан) бляхи, необыкновенно сложные в изготовлении, имеющие до пяти и более уровней замкового рельефа. Они использовались в качестве составных (нашивных) элементов национальных украшений, обычно нагрудных перевязей *хасита*. Бляхи выполнялись способом литья по восковой модели. При их изготовлении, вероятно, были задействованы профессиональные скульпторы для изготовления моделей из воска. Художественное завершение отлитой заготовки – детализация, корректировка и проработка рельефа – производилось чеканками только с лицевой стороны и соотносилось с типичными для татарской чеканки признаками: гладкий рельеф и зерневый фон. Изнаночная сторона сохраняла фактуру литейной поверхности

Бляхи обильно украшались прозрачными гранёными самоцветами и выглядели монументально (рис. 14, 15, 16). В основе их образного решения лежит малохарактерный для татаро-мусульманской ювелирной традиции барочно-рокайльный стиль, нашедший преломление в оформлении окладов на православных иконах, изготовленных русскими серебряниками (рис. 17), в том числе и Казанского Поволжья (рис. 18). При обработке литевой поверхности и чеканной орнаментации окладов икон русские мастера нередко применяют «татарскую чеканку насечкой», что говорит об уникальном слиянии двух региональных традиций Казанского Поволжья – некой татаро-русской синкретичности.

Синкретичность наблюдается и при историко-этнографическом анализе некоторых типов татарских украшений, особенно серег. Так, в XIX – начале XX вв. у татар были широко распространены старинные типы русских сережек XVI–XVII вв. Это серьги в виде одного, двух или трех металлических стерженьков с нанизанными на них камнями или бусинами, которые соответственно известны под названием «одинец», «двойчатка», «тройчатка», а также серьги «голубцы», украшенные силуэтом двух птиц на подтреугольном щитке с подвесками [12, с. 728; 4, 107].

Широко бытовали у татарок и известные русские серьги XVIII–XIX вв. Это небольшие сережки в виде веточки; довольно крупные серьги, сплошь усыпанные бисером или речным жемчугом в виде цветочной корзиночки или круга; серьги, напоминающие желудь с листочками, а также в виде банта с каплевидной, полый внутри подвеской (рис. 19).

Перечисленные ранние типы русских сережек настолько широко вошли в быт татар, что воспринимались уже как свои, традиционные. Изготавливали их, вероятно, сами татарские ювелиры. Так, на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. бисерные серьги, согласно коллекционной описи (Национальный музей Республики Татарстан, колл. № 201–42), бесспорно, русские, были представлены как образцы татарских ювелирных украшений.

В XIX–XX вв. у татарок чрезвычайно широкое распространение получили русские «калачевидные» серьги в форме полый внутри лунницы – *калач сыргасы* (рис. 20). Известно, что массовое производство их было налажено в русском ювелирном центре – Красном селе Костромской губернии. В XX в. калачевидные серьги воспринимались татарками в качестве национальных. Они преобладали в комплексах головных украшений и мусульманок, и кряшенок, бытуют и по сей день.

Типы русских сережек так охотно были приняты татарами в арсенал своих традиционных, видимо, потому, что часть их по форме близка традиционным татарским образцам. Достаточно сравнить «одинец» или «двойчатку» с татарскими серьгами в форме знака вопроса, а «голубцы» с миндалевидными скаными серьгами *татар сыргасы*.

Проявления синкретичности, наблюдаемые в ряде технологий производства татарских ювелирных изделий, обусловлены, вероятно, и существованием после присоединения Казанского ханства к русскому государству русских ювелирных центров в Казани, в Казанском Поволжье в целом. Согласно сведениям «Писцовой книги по городу Казани с уездом в 1566–1568 гг.» в городе насчитывалось девятнадцать посадских серебряников. По «Переписной книге по Казани и Казанскому уезду 1646 года» в каменном и в деревянном городе и за городом были дворы митрополичьих слобожан, в том числе и серебряников, которые жили на посаде на тяглах на посадских местах дворами, а оброк платили митрополиту. В 1560-х гг. существовал большой Казанский торг, куда приезжали купцы «из Государевых верховских городов, и иноземцы, казанские жильцы и посадские люди», где существовали и отдельные «серебряные ряды» [15, с. 52, 53, 84, 104–106]. Лавки русских серебряников существовали в 1560-х гг. и в Свияжске, на что указывает «Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565–1567 гг.» [6, с. 70].

Проявлениям татаро-русской синкретичности способствовало и существование в бывшей вотчине казанского архиепископа селе Рыбная Слобода крупного русского кустарного промысла. По сведениям С.А. Давыдовой, в 1891 г. в Рыбной Слободе серебряным промыслом занимались в 50 домах. Мастеров было 67 человек, наемных рабочих и учеников 22 человека, т.е. всего 89 серебряников, в 1895 г. уже насчитывалось до 140 ремесленников [5, с. 117]. По архивным данным 1910 г. в Слободе было 450 серебряников [14]. Основываясь на образцах продукции Заказанья с использованием «татарских» технологий, русские кустари копировали типы татарских украшений для продажи в Европейской и Азиатской России. При посредстве скупщиков продукция сбывалась на Нижегородской, Мензелинской и Ирбитской ярмарках, попадала в Западную Европу и Америку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авижанская С.А., Бикбулатова Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа: Полиграфкомбинат. 1964. 260 с.
2. Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, 1984. 188 с.
3. Воробьёв Н.И. Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань: Татгосиздат, 1953. 383 с.
4. Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV–XX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
5. Давыдова С.А. Производство металлических изделий в Рыбной Слободе Лаишевского уезда Казанской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. С.-Петербург: Типография В. Киришбаума, 1895. С. 117.
6. Ключевская Е.П. Словарь казанских художников. Вторая половина XVI – начало XX века. Санкт-Петербург: Славия, 2009. 120 с.
7. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. СПб.: в типографии К.Вульфа, 1860. 214 с.
8. Крамаровский М.Г. К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июля 1999 года. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2000. С. 272–278.
9. Крамаровский М.Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингисидской торевтики XIII–XV вв.): дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 61 с.
10. Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX – начало XX века) / Гл. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1967. С. 193–267.
11. Мартынова М.В. Оклад иконы «Богородица Млекопитательница» из собрания музеев Московского Кремля // Древнерусское искусство XIV–XV вв. / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1984. С. 101–113.
12. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. Труды института этнографии. Новая серия, том 31. М., 1956. С. 543–757.
13. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 247 с.
14. Национальный Архив РТ, ф. 359, оп. 1, д. 520, л. 121.
15. Покровский И.М. Казанский Архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. (В память 350-летия существования Казанской епархии 1555–1903 гг.). Казань: Центральная типография, 1906. 482 с.; Грамоты. С. I–XXX; Приложения. С. 1–264; Указатель. С. I–XVI.
16. Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 63–111.
17. Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала: Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 1996. 208 с.

Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья

18. Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.

19. Сулова С.В. О тюрко-татарских традициях в народной русской культуре // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Барнаул, 2012. С. 195–213.

20. Татарская энциклопедия: В 5 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АНРТ, 2002. Т. 1: А–В. 672 с.

21. Троицкий В.И. Казанские и свияжские серебряники XVII в. // Казанский музейный вестник. № 5–6. Казань: Первая государственная типография, 1920. С. 11–16.

22. Чавушьян Д.М. Технично-технологические и художественные особенности московской скани конца XVIII – начала XX вв.: дисс... канд. иск. наук. М., 2008. 137 с.

Сведения об авторах: Донина Лариса Николаевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lis.art@mail.ru

Сулова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

TATAR JEWELRY ART: QUESTION OF TATAR-RUSSIAN SYNCRETISM IN HANDICRAFT TRADITIONS OF KAZAN VOLGA REGION

L.N. Donina, S.V. Suslova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lis.art@mail.ru, sv_suslova@mail.ru*

The article is devoted to the identification and archaeological and ethnographic interpretation of technical and technological features of the Tatar jewelry art. Kazan was one of the largest jewelry centers in the Russian Empire, distinguished by the peculiarities of technical and technological and ornamental techniques of jewelry, formal and morphological content of jewelry. Tatar jewelers had a grip on almost all technological processes, but they acquired a special skill in the art of filigree and embossing. In historiography there was a belief that the so-called knobby filigree is “distinctive and unique appliances that have not received distribution in jewelry of other Nations” (Tatar encyclopedia, p. 468).

However, recent research (RFFI, project № 13-06-97056) showed that it was common in the jewelry of some of the peoples of the European part of Eurasia since the 11th century. Analogues of Kazan Tatar lumpy filigree of the 18th – the first half of the 19th centuries were revealed for the first time in Russian (religious) and European (secular) traditions of jewelry art.

Original kind Tatar coinage is the coinage identified by the researchers (F.H. Valeev) as a high-relief. On the products, which were made using this technique, presence (merger) of regional traditions characteristic of Tatar and Russian art have been revealed. Manifestations of syncretism, which are observed in a number of technologies of Tatar jewelry production, are probably due to the existence of numerous Russian jewelry centers in Kazan, the Kazan Volga region as a whole (usually in monasteries), including a large handicraft in the village of Rybnaya Sloboda.

Keywords: filigree, Tatar, Russian jewelers, embossing, jewelry technology

For citation: Donina L.N., Suslova S.V. Tatar Jewelry Art: Question of Tatar-Russian Syncretism in Handicraft Traditions of Kazan Volga Region. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 69–80. DOI: 10.22378/he.2018-3-1.69-80

REFERENCES

1. Avizhanskaya S.A., Bikbulatova N.V., Kuzeev R.G. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Bashkir* [Decorative and Applied Arts of Bashkirs]. Ufa, Poligrafkombinat Publ., 1964. 260 p. (In Russian)
2. Valeev F.H. *Narodnoe dekorativnoe iskusstvo Tatarstana* [Folk Decorative Art of Tatarstan]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1984. 188 p. (In Russian)
3. Vorobyov N.I. *Kazanskie tataryi. Etnograficheskoe issledovanie materialnoy kul'turyi dooktyabrskogo perioda* [Kazan Tatar. Ethnographic Study of Material Culture of the pre-October Period]. Kazan, Tatgosizdat. Publ., 1953. 383 p. (In Russian)
4. Goldberg T., Mishukov F., Platonova N., Postnikova-Loseva M. *Russkoe zolotoe i serebryanoe delo XV–XX vv.* [Russian Gold and Silver Business of the 15th–20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 342 p. (In Russian)
5. Davyidova S.A. *Proizvodstvo metallicheskih izdeliy v Ryibnoy Slobode Laishevskogo uyezda Kazanskoy gubernii* [Production of Metal Products in the Fish Settlement of Laishevsky District of the Kazan Province]. *Otchetyi i issledovaniya po kustarnoy promyshlennosti v Rossii* [Reports and Research on the Cottage Industry in Russia]. Vol. 3. St. Petersburg, V.Kirshbaum Printshop, 1895. 117 p. (In Russian)
6. Klyuchevskaya E.P. *Slovar kazanskikh hudozhnikov. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka* [Dictionary of Kazan Artists. The Second half of the 16th – early 20th Centuries]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2009. 120 p. (In Russian)
7. Kostomarov N.I. *Ocherk domashney zhizni i nrayov velikorusskogo naroda v XVI–XVII stoletiyah* [Essay on Home Life and Customs of the Great Russian People in the 16th – 17th Centuries]. St. Petersburg, K.Vulf Prinshop, 1860. 214 p. (In Russian)
8. Kramarovskiy M.G. *K istokam kazanskoy skani* [To the Origins of the Kazan Scan]. *Srednevekovaya Kazan: vozniknovenie i razvitie*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kazan, 1–3 iyulya 1999 goda [Medieval Kazan: Origin and Development. Materials of the International Scientific Conference. Kazan, July 1–3, 1999]. Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan, Master-Layn Publ., 2000, pp. 272–278. (In Russian)
9. Kramarovskiy M.G. *Vostok i Zapad v istorii i kulture Zolotoy Ordyy (po materialam chingisidskoy torevniki XIII–XV vv.)* [East and West in the History and Culture of the Golden Horde (according to materials kingisepsky torevtics of the 13th – 15th Centuries.) Dr. hist. sci. diss.] St. Petersburg, 2002. 61 p. (In Russian)

10. Lebedeva N.I., Maslova G.S. Russkaya krestyanskaya odezhda XIX – nachala XX v. [Russian Peasant Clothing of the 19th – early 20th Centuries]. *Russkie. Istoriko-etnograficheskiy atlas. Zemledelie. Krestyanskoe zhilishe. Krestyanskaya odezhda.* (Seredina XIX – nachalo XX veka) [Russian. Historical and Ethnographic Atlas. Agriculture. Peasant Housing. Peasant Clothing. (Mid 19th – early 20th Centuries)]. Chief ed. S.P. Tolstov. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 193–267. (In Russian)

11. Martynova M.V. Oklad ikonyi «Bogomater Mlekopitatelnitsa» iz sobraniya muzeev Moskovskogo Kremlya [The frame of the icon "our lady mammal" from the collection of the Moscow Kremlin museums] *Drevnerusskoe iskusstvo XIV–XV vv.* [Old Russian Art of the 14th – 15th Centuries]. Ed. by O.I. Podobedova. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 101–113. (In Russian)

12. Maslova G.S. Narodnaya odezhda russkih, ukrainsev i belorusov [National Clothes of Russians, Ukrainians and Belarusians]. *Vostochnoslavianskiy etnograficheskiy sbornik. Trudyi instituta etnografii. Novaya seriya* [East Slavic Ethnographic Collection. Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Vol. 31. Moscow, 1956, pp. 543–757. (In Russian)

13. Muhamedova R.G. *Tataryi-mishari. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie.* [Tatars-Mishars. Historical and Ethnographic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 247 p. (In Russian)

14. Natsionalnyy Arkhiv RT [The National Archive of RT]. Fond 359, op. 1, d. 520, l. 121. (In Russian)

15. Pokrovskiy I.M. *Kazanskiy Arhiereyskiy dom, ego sredstva i shtaty, preimuschestvenno do 1764 goda. Tserkovno-arheologicheskoe, istoricheskoe i ekonomicheskoe issledovanie. (K pamyat 350-letiya suschestvovaniya Kazanskoy eparhii 1555–1903 gg.)* [Kazan Bishop's house, its funds and staff, mainly until 1764. Church-Archaeological, Historical and Economic Research. (In memory of the 350th anniversary of the Kazan Diocese in 1555–1903)]. Kazan, Tsentralnaya Prinshop Publ. 1906. 482 p.; Gramoty. pp. I–XXX; Prilozheniya. pp. 1–264; Ukazatel. pp. I–XVI. (In Russian)

16. Rabinovich M.G. Odezhda russkih XIII–XVII vv. [Russian Clothing of the 13th – 17th Centuries]. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropyi.* Materialyi k istoriko-etnograficheskomu atlasu [Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe. Materials to the Historical and Ethnographic Atlas]. Ed. by M.G. Rabinovich. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 63–111. (In Russian)

17. Safina F.Sh. *Tkachestvo tatar Povolzhya i Urala: Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda.* [Weaving of the Volga and Ural Tatars: Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan, Fen Publ., 1996. 208 p. (In Russian)

18. Sterligova I.A. *Dragotsennyiy ubor drevnerusskih ikon XI–XIV vekov. Proishozhdenie, simbolika, hudozhestvennyiy obraz.* [A Valuable Piece of Ancient Russian Icons of the 11th – 14th Centuries. Origin, Symbolism, Artistic Image]. Moscow, Progress-Traditsiya. Publ., 2000. 264 p. (In Russian)

19. Suslova S.V. O tyurko-tatarskih traditsiyah v narodnoy russkoy culture [On the Turko-Tatar Traditions in the Russian Folk Culture]. *Etnokulturnyye vzaimodeystviya v Evrazii: prostranstvennyye i istoricheskie konfiguratsii* [Ethno-Cultural Interactions in Eurasia: Spatial and Historical Configurations]. Barnaul, 2012, pp. 195–213. (In Russian)

20. *Tatarskaya entsiklopediya: V 5 t.* [Tatar Encyclopedia: in 5 volumes]. Kazan, AN RT Tatar Encyclopedia Institute Publ., 2002. Vol. 1: A–V. 672 p. (In Russian).

21. Troitskiy V.I. Kazanskie i sviyazhskie serebryaniki XVII v. [Kazan and Sviyazhsk Silversmiths of the 17th Century]. *Kazanskiy muzeynyi vestnik* [Kazan Museum Bulletin]. No. 5–6. Kazan, First State Printshop Publ., 1920, pp. 11–16. (In Russian)

22. Chavushyan D.M. *Tehniko-tehnologicheskie i hudozhestvennyie osobennosti moskovskoy skani kontsa XVIII – nachala XX vv.* [Technical, Technological and Artistic Features of the Moscow Scan of the late 18th – early 20th Centuries. Dr. hist. sci. diss.] Moscow. 2008. 137 p. (In Russian)

About the authors: Larisa N. Donina is a Candidate of Science (Art History), Senior Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russian Federation); lis.art@mail.ru

Svetlana V. Suslova is a Candidate of Science (History), Advanced Research Fellow, Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russian Federation); sv_suslova@mail.ru

К статье: *Донина Л.Н., Сулова С.В. Татарское ювелирное искусство: о проявлениях татаро-русской синкретичности в ремесленных традициях Казанского Поволжья*

Рис. 1. Цепь из медальонов. Золотая Орда. Вторая половина XIII – XIV вв. Симферопольский клад. ГИМ, экспозиция 2015 г.

Рис. 2. Бляха. Ажурная филигрань. Серебро, позолота, канитель, стекло, малахит. НМ РТ, инв. № 10198-20

Рис. 3. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, опал, аметист. НМ РТ, инв. № 10221-62

Рис. 4. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, хрусталь, бирюза. НМ РТ, инв. № 10221-41

*Рис. 5. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, аметисты.
НМ РТ, инв. № 10221-446*

Рис. 6. Бляха. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, аквамарин, бирюза. НМ РТ, инв. № 10198-25

Рис. 7. Гривенка (цата) с тремя восьмилепестковыми подвесками с иконы «Богородица Умиление?». Конец XIV – начало XV вв. Накладная бугорчатая филигрань. Золото, изумруды, гранаты, яхонты, рубины, хрусталь, скань. Музей-заповедник «Московский Кремль». Источник: Коварская С.Я., Костина И.Д., Шакурова Е.В. Русское золото XIV – начала XX века из фондов государственных музеев московского кремля. Альбом. М.: Советская Россия, 1987. С. 10; Стерлигова И.А. Драгоценный убор... С. 207, рис. 77

Рис. 8. Икона «Богоматерь Млекопитательница» (венц – накладная бугорчатая филигрань). XIV в. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Источник: <http://icons.pstgu.ru/icon/354> ;
Стерлигова И.А. Драгоценный убор... С. 216, рис. 83

Рис. 9. Фрагмент очелья.
XIV в. Накладная бугорчатая
филигрань. Музей
«Московский Кремль»,
инв. № МР-3692. Источник:
Стерлигова И.А. Драгоцен-
ный убор... С. 208, рис. 78

Рис. 10. Портативный алтарь
Святого Креста (деталь).
1015–1120. Сокровищница
резиденции. Мюнхен. Исто-
чник: Стерлигова И.А. Драго-
ценный убор... С. 210, рис. 79

Рис. 11. Оправа
креста. Византия.
Первая половина
XIII в. Золото, альта-
дины, стекло, кварц,
цитрин, сердолик,
скань, зернь. Клад
с городища Старая
Рязань. ГИМ, экспо-
зиция 2015 г.

Рис. 12. Брошь. Италия (Венеция), конец XIX – начало XX вв. Бугорчатая филигрань. Золото, жемчуг, аметист, скань. ГИМ, экспозиция 2016 г.

Рис. 13. Бляха. Чеканка насечкой. Серебро, позолота, сердолик, бирюза, стекло. НМ РТ, инв. № 10221-129

Рис. 14. Бляха. Чеканка по литью. Серебро, позолота, хрусталь, бирюза. НМ РТ, инв. № 10221-4

Рис. 15. Бляха. Чеканка по литью. Серебро, позолота, хрусталь. НМ РТ, инв. № 10221-161

Рис. 16. Бляха. Чеканка по литью. Серебро, позолота, дымчатый топаз, бирюза, хрусталь. НМ РТ, инв. № 10221-427

Рис. 17. Икона «Господь Вседержитель». Москва, XVII в. Оклад: золото, серебро, бриллианты, сапфиры, изумруды, рубины, жемчуг, позолота, литьё, резьба, чеканка. ГИМ, экспозиция 2016 г.

Рис. 18. Богоматерь Казанская. Оклад: серебро, позолота, литьё, чеканка насечкой. ГМИИ РТ, инв. № И 449-1 КП 4214

Рис. 19. Серьги. Серебро, позолота, бирюза, жемчуг, бисер.
НМ РТ, инв. № 10201-9

Рис. 20. Серьги калачевидные. Серебро, позолота.
НМ РТ, инв. № 14-20